
Владимир Кожевников
Тихая частота

Владимир Кожевников
Тихая частота

https://litres.ru/74760703
SelfPub; 2026

Аннотация

В тихом фермерском городке Хейвен-Корнерс, где закрылась школа и молодёжь уезжает, пожилой радиомеханик Уолт Мертон чинит старый приёмник и случайно ловит в эфире странный низкочастотный пульс — будто кто-то дышит. След приводит к заброшенному колодцу на пастбище. Вместе с соседкой-подростком Джун и библиотекарем Эллен Уолт собирает самодельную станцию и понимает: из глубины с ними говорит древний архив, который просит не сенсации и не спасения, а внимания. Но когда слух о чуде выходит за пределы округа, в городок приезжает учёный, начинается шум, а над колодцем нависает угроза изоляции. Тёплая, немного ироничная история о тихом месте, которое учится слушать.

Содержание

Глава 1. Приёмник для музея 4
Глава 2. Колодец отвечает 11
Глава 3. Тихая станция 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Владимир Кожевников
Тихая частота

Глава 1. Приёмник для музея

Радиоприёмник «Филко» сорокового года выпуска весил больше, чем иные современные холодильники, и пах так, будто в нём десятилетиями хранили табак. Уолт Мертон поставил его на верстак, рядом с паяльником и чашкой кофе, остывшего час назад, и подумал, что за такие аппараты надо давать медали — за долготерпение.

Осень в Хейвен-Корнерс пахла ржавчиной и мокрой листвой. За окном мастерской тянулось пастбище — бурое, пожухлое, с единственным дубом на горизонте, чьи ветви торчали, как рёбра. За пастбищем — ферма Хальворсенов, где старый Бьорн давно не держал скота, только сдавал землю в аренду и жаловался на налоги. Ещё дальше — дорога, ведущая в окружной центр, мимо закрытой школы, мимо заправки, где работал один человек вместо трёх, мимо щитов с надписью: «Продаётся».

Уолт знал этот пейзаж наизусть. Он знал, что за дубом — овраг, где весной цветут дикие яблони; что за фермой Хальворсенов — бетонная плита, оставшаяся от элеватора, сгоревшего в пятьдесят третьем; что дорога сворачивает налево

у почтового ящика с изображением утки — единственного ящика во всём округе, который кто-то удосужился покрасить за последние десять лет.

Школа закрылась три года назад. Не потому, что рухнула крыша или кончились деньги. Школа закрылась потому, что в ней осталось девять учеников. Девять детей на весь Хейвен-Корнерс, где когда-то было триста. Совет проголосовал, не глядя друг другу в глаза. Уолт сидел на том заседании в заднем ряду, и когда подняли руки, он тоже поднял — потому что понимал арифметику, хотя ненавидел её всем своим нутром.

Джун Хальворсен тогда перешла на домашнее обучение. Ей было двенадцать. Теперь пятнадцать, и она всё ещё здесь — единственная из молодых, кто не уехал, не считая двух братьев Ковальски, которые работали на элеваторе в соседнем округе и возвращались только на выходные.

Джун была странной девочкой. В хорошем смысле. Она умела паять лучше иных взрослых, знала, чем отличается триод от пентода, и могла часами говорить о коротких волнах так, будто это поэзия. Однажды, когда ей было тринадцать, она разобрала старый телефонный аппарат, лежавший в амбаре Уолта, и собрала его обратно за вечер — без схемы, по памяти. Уолт потом полчаса проверял, не осталось ли лишних деталей. Лишних не осталось.

Её мать, Линда, работала медсестрой в окружной больнице и возвращалась домой поздно. Отец ушёл, когда Джун бы-

ло семь, — уехал в Чикаго «искать работу», нашёл, женился, присылал открытки на Рождество. Джун не жаловалась. Она вообще никогда не жаловалась, что Уолт находил одновременно и тревожным, и достойным уважения.

Он как раз заканчивал с приёмником — заменил пару конденсаторов, протёр шасси спиртом, — когда в дверях мастерской появилась тень. Уолт поднял голову.

Джун стояла на пороге, держа в руках старую катушку — не магнитную ленту, а деревянную шпульку с намотанной проволокой, покрытой зелёным окислом. Её волосы были собраны в небрежный хвост, куртка — на два размера больше нужного, на рукаве — пятно от машинного масла.

— Мистер Мертон, — сказала она. — Я нашла это в амбаре. Под полом. Там ещё ящик, но я не смогла открыть.

Уолт отложил паяльник.

— Под полом?

— Я искала отцовский ключ от снегохода. Ну, знаете, тот, который он потерял, когда ещё жил с нами. Мама говорит, он где-то в амбаре. Я подумала: вдруг под полом? Там доска гнилая. Я её тронула, она провалилась. А под ней — ящик. Деревянный.

Уолт взял катушку. Проволока была тонкой, медной, обмотанной вокруг шпульки в несколько слоёв. Он повертел её в руках, посмотрел на свет. На проволоке виднелись следы чего-то, похожего на воск или парафин.

— Это не проволока для магнитофона, — сказал он мед-

ленно. — Это антенна. Самодельная. Такие делали до войны, когда не было нормальных катушек. Наматывали на что попало.

— То есть это старое?

— Очень старое. — Он вернул ей катушку. — Пойдём посмотрим на твой ящик.

Амбар Хальворсенов стоял в сотне ярдов от мастерской Уолта — через пастбище, мимо колодца, который местные называли «неудобным». Колодец был артезианский, пробуренный ещё в девяностых годах позапрошлого века, и вода в нём отдавала металлом. Уолт знал это, потому что его отец, Генри, рассказывал: «Не пей из него, сынок. Там что-то не то». Что именно «не то», Генри не уточнял, но Уолт с детства обходил колодец стороной — не из страха, а из какого-то смутного уважения к вещам, которые старше тебя и не желают объясняться.

Ящик оказался тяжёлым. Джун не преувеличила: доска действительно прогнила, и под ней обнаружилась ниша, выложенная кирпичом. В нише стоял деревянный ящик, обитый по углам жестью, с ржавым замком, который Уолт вскрыл стамеской за две минуты. Внутри лежали бумаги — пожелтевшие, но не истлевшие. Уолт вытащил первую пачку: счета, расписки, какие-то квитанции. Вторая пачка оказалась интереснее — тетрадь в клетку, исписанная мелким почерком. На первой странице стояло имя: «Эзра Хальворсен, 1894».

— Это твой, — сказал Уолт. — Родственник.

Джун взяла тетрадь осторожно, как берут птицу.

— Эзра... Это пра-пра-пра... — Она наморщила лоб. — Я не знаю. Мама говорила, что у нас в роду был какой-то фермер, который сошёл с ума.

— Может, и не сошёл, — сказал Уолт. — Может, просто видел больше, чем другие.

Он пролистал тетрадь. Записи были странные: Эзра писал о погоде, об урожае, о ценах на пшеницу — и вдруг, посреди страницы, обрывался и начинал писать о «поющих камнях» и «снах про чужое небо». Уолт закрыл тетрадь.

— Возьми себе, — сказал он. — Это твоя семья. Разберёшься.

Джун кивнула. Она смотрела на тетрадь так, будто в ней был ключ от чего-то большего, чем старые каракули.

***

Вечером Уолт сидел в мастерской один. Барнаби, старый колли, спал у печи, свернувшись клубком и посапывая. За окном стемнело — рано, по-осеннему. Уолт включил свой самодельный приёмник — длинная антенна, натянутая к амбару, позволяла ловить сигналы с трёх континентов, если прохождение было хорошим.

Он крутил верньер, перескакивая с диапазона на диапазон. «Радио Пекин» — тишина. «Голос Америки» — новости, что-то о фермерских субсидиях. Религиозная станция из Теннесси — проповедь о конце времён. Уолт хмыкнул и

двинул дальше.

И тут он услышал это.

Не морзянку. Не помеху. Не гул проводов. Что-то низкое, глубокое, на самой границе слышимости — пульс, медленный, ритмичный. Как дыхание. Как будто кто-то очень большой и очень старый спал где-то рядом и дышал во сне.

Уолт замер. Пульс повторился — раз, другой, третий. Интервал между ударами был неровным: два быстрых, один медленный, снова два быстрых. Как будто сигнал отвечал на что-то.

— Ага, — сказал Уолт вслух. — Значит, провод.

Он отсоединил антенный кабель от приёмника, осмотрел контакт. Медь потемнела, но была цела. Зачистил её ножом, прикрутил обратно. Проверил заземление — медный штырь, вбитый в землю у стены амбара, был на месте, провод не перебит. Пульс не исчез — он стал даже отчётливее, словно прислушивался к Уолту.

Уолт нахмурился. Он был старым радиотехником и знал: провода не дышат. Но он также знал, что устал, что осень, что давление скачет, и что если он сейчас начнёт думать о «голосах из колодца», то закончит, как Эзра Хальворсен — с тетрадкой в клетку и репутацией городского сумасшедшего.

— Провод, — повторил он, уже без уверенности.

Он выключил приёмник. Пульс исчез. Включил — появился снова, на той же частоте, с тем же ритмом.

Барнаби поднял голову, посмотрел на хозяина, вздохнул

и снова улёгся. Уолт посидел ещё немного, глядя на шкалу приёмника. Потом выключил его, но не ушёл — достал из ящика старую записную книжку, полистал, нашёл страницу с частотами, которые когда-то ловил. Ничего похожего. Такого низкого пульса он не слышал ни разу за сорок лет работы с радио.

Он закрыл книжку и пошёл спать.

Ночью ему снился луг — бескрайний, залитый странным светом. Трава была мягкая, как шерсть, и пахла не землёй, а чем-то сладким, незнакомым. Над лугом висели две луны: одна большая, жёлтая, как обычно, другая — маленькая, голубая, на полную луну не похожая. Уолт стоял на этом лугу и слушал тишину. Тишина была не пустая. Она была внимательная. И где-то на границе слуха — или сна — он снова услышал дыхание.

Он проснулся до рассвета с мыслью, что надо меньше чинить старое радио и больше спать.

Он не сказал об этом никому. Даже Джун.

Особенно Джун. Потому что Джун бы поверила. А Уолт пока не был готов к тому, что кто-то поверит.

Глава 2. Колодец отвечает

Джун Хальворсен не спала почти всю ночь. Тетрадь Эзры Хальворсена лежала на кухонном столе, раскрытая на середине, и Джун читала её при свете настольной лампы, пока за окном не начал сереть рассвет. Почерк у пра-пра-прадеда был мелкий, убористый, с завитушками на заглавных буквах. Он писал о ценах на пшеницу, о том, что корова Ольга захромала, о дожде, который шёл три дня подряд и размыл дорогу к реке. А потом, на странице сорок второй, вдруг:

«Колодец сегодня пел перед бурей. Дети слышали. Говорят, будто кто-то зовёт их по имени. Я велел им не ходить туда. Но сам пошёл. И слышал. Не голос, а как будто дыхание. Тяжёлое. Будто земля дышит».

Джун перечитала абзац трижды. Потом закрыла тетрадь и посмотрела в окно. Пастбище было пустым, серым, и колодец стоял на краю — старый, сложенный из камня, с деревянным воротом, который давно не крутили. Джун знала этот колодец с детства. Мама запрещала к нему подходить: «Там вода плохая, Джун. И вообще, нечего тебе там делать». Но Джун всё равно ходила — иногда, когда хотелось побыть одной. Она садилась на камень рядом и слушала тишину. Тишина там была странная. Не пустая. Как будто кто-то ждал, что ты что-нибудь скажешь.

Утром она пришла к Уолту. Тот уже был в мастерской —

сидел на табурете, пил кофе и смотрел на приёмник так, будто тот его чем-то обидел.

— Мистер Мертон, — сказала Джун с порога. — Я знаю, откуда сигнал.

Уолт поднял голову. Под глазами у него были тёмные круги — видимо, спал не лучше её.

— Откуда?

— Из колодца. — Она вошла и положила тетрадь на верстак. — Эзра писал, что колодец «поёт перед бурей». И что дети слышали, будто их зовут по имени. Это же он, да? Сигнал?

Уолт помолчал. Потом взял тетрадь, полистал, нашёл страницу сорок два, прочитал. Его лицо ничего не выражало, но Джун заметила, как напряглись желваки.

— Может быть, — сказал он наконец. — Может, и он. Но это ничего не доказывает. Старик мог просто слышать ветер в проводах. Или у него была лихорадка.

— А вы? — спросила Джун. — Вы слышали что-нибудь странное?

Уолт отвёл глаза. Это было почти признание.

— Слышал, — сказал он тихо. — Ночью. Пульс. Как дыхание. Я проверил кабель, заземление. Всё в порядке. Тогда я решил, что это просто... — Он замолчал, подыскивая слово. — Что это просто провод. Что я устал. Но я не устал, Джун. Я сорок лет работаю с радио. Я знаю, как звучит провод. Это не провод.

Джун почувствовала, как у неё перехватило дыхание. Не от страха — от восторга. Она не была сумасшедшей. И Уолт не был. Значит, это правда.

— Надо записать, — сказала она. — По-настоящему. Не на телефон, а на нормальный носитель. У вас есть старый магнитофон?

— Есть. В амбаре. Катушечный, семьдесят восьмого года. Но он не работает.

— Что с ним?

— Не знаю. Включаю — тишина. Может, предохранитель, может, что посерьёзнее. Я не смотрел.

— Давайте посмотрим вместе, — сказала Джун. — Я умею.

Уолт усмехнулся — впервые за утро.

— Знаю, что умеешь. Ладно. Пошли.

***

Магнитофон оказался тяжёлым, как кирпич, и пах пылью и старой смазкой. Джун открыла заднюю панель, посмотрела на плату. Предохранитель действительно сгорел — стеклянная трубка почернела, проволочка внутри расплавилась. Джун покопалась в ящике Уолта с деталями, нашла подходящий предохранитель, заменила. Потом проверила ленту — она была старой, но ещё крепкой. Катушки крутились туго, но крутились.

— Попробуем, — сказала она.

Уолт включил магнитофон. Тот загудел, зашуршал, и из

динамика пошёл ровный белый шум.

— Работает, — сказал Уолт. — Надо же.

Джун улыбнулась. Это была маленькая победа, но она чувствовала, что сегодня ей нужны маленькие победы.

***

Они вышли в пастбище после полудня. День был ясный, холодный, трава пожухлая и хрустела под ногами. Уолт нёс самодельный приёмник — небольшой ящик с антенной, собранный из старого армейского радиоприёмника и деталей от телевизора. Джун несла магнитофон, который она починила. Барнаби трусил рядом, обнюхивая всё подряд.

Колодец стоял на краю пастбища, метрах в пятидесяти от амбара. Он был старый, сложенный из неровных камней, с деревянным воротом и ржавой цепью. Вода в нём, по словам отца Уолта, отдавала металлом. Уолт с детства обходил его стороной, но сейчас подошёл вплотную, поставил приёмник на землю и включил.

Сначала ничего не было. Только шорох травы и далёкий лай собаки на соседней ферме.

Потом Джун услышала.

Пульс. Медленный, глубокий, низкий. Он шёл из приёмника, но Джун готова была поклясться, что слышит его и просто так — стоя рядом с колодцем, без всякой аппаратуры. Как будто земля под ногами дышала.

— Слышите? — прошептала она.

Уолт кивнул. Он смотрел на приёмник, и в его глазах было

что-то, чего Джун раньше не видела: не страх, а удивление. Как у человека, который всю жизнь считал, что знает, как устроен мир, и вдруг обнаружил, что ошибался.

Джун сделала шаг к колодцу. Камни под ногами были тёплыми — странно, для осени. Пульс изменился. Стал быстрее, отчётливее. Как будто кто-то за волной травы повернул голову.

— Он реагирует на шаги, — сказала Джун. — Смотрите.

Она сделала ещё шаг. Пульс снова изменился — теперь в нём появился ритм, почти мелодия. Три удара, пауза, два удара. Три, пауза, два.

— А теперь я, — сказал Уолт.

Джун остановилась. Уолт сделал шаг к колодцу. Пульс не изменился. Он оставался ровным, глубоким, но не реагировал.

— Странно, — сказал Уолт. — На тебя реагирует, на меня — нет.

Джун почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не неприятный. Скорее... любопытный.

— Может, он чувствует, что я... — Она не знала, как сказать. — Что я слушаю?

Уолт пожал плечами.

— Может быть.

Он поднял руку, заслоняя солнце. Свет упал на колодец, и пульс снова изменился — стал тише, мягче, как будто прищурился.

— И на свет тоже, — сказала Джун. — Как будто он видит.

Уолт ничего не ответил. Он стоял и смотрел на колодец, и Джун вдруг показалось, что он разговаривает с ним — без слов, одним только вниманием.

***

Дождь начался внезапно. Небо потемнело, налетел ветер, и первые капли упали на плечи Джун — тяжёлые, холодные. Она вздрогнула.

— Надо уходить, — сказал Уолт.

Но Джун не двинулась с места. Она смотрела на приёмник. Пульс изменился. Теперь он был не ритмичный, а хаотичный — удары шли вразнобой, как будто кто-то пытался что-то сказать, но не мог подобрать слов.

— Смотрите, — сказала Джун. — Дождь. Он реагирует на дождь.

Уолт остановился. Он тоже смотрел на приёмник. Пульс стал тише, глуше, как будто уходил под землю.

— Как будто прячется, — сказала Джун.

— Или как будто боится, — сказал Уолт.

Дождь усилился, и вдруг пульс снова изменился. Он стал громче. Не хаотичнее — громче. Как будто кто-то, спрятавшись, всё-таки выглянул из укрытия.

— Он не боится, — сказала Джун медленно. — Он... проверяет. Смотрит, уйдём мы или нет.

Уолт посмотрел на неё. В его глазах было что-то новое — не удивление, а уважение.

— Ты понимаешь его, — сказал он.

Джун не знала, что ответить. Она не понимала. Она просто слушала.

Дождь усилился. Они побежали к амбару, прикрывая магнитофон куртками. Барнаби мчался впереди, поджав хвост.

***

Вечером они сидели в амбаре Уолта. Магнитофон крутился, записывая сигнал, который они принесли с пастбища. Джун сидела на перевёрнутом ящике, Уолт — на старом кресле, которое он притащил из дома. Барнаби спал у двери, свернувшись клубком.

— Надо показать это Эллен, — сказала Джун. — Она знает историю округа. Может, в библиотеке есть ещё что-нибудь про колодец.

Уолт кивнул.

— Завтра. Сегодня уже поздно.

Но Джун не унималась. Она достала телефон, набрала номер библиотеки. Эллен ответила после третьего гудка — голос у неё был усталый, но бодрый.

— Эллен, это Джун. Ты ещё в библиотеке? Мы можем прийти? У нас есть кое-что... странное.

Пауза. Потом Эллен сказала:

— Приходите. Я как раз нашла кое-что странное сама. Кажется, мы с вами копаем в одном направлении.

***

В библиотеке пахло старой бумагой и кофе. Эллен Прайс

сидела за столом, заваленным книгами и папками. На ней был свитер с оленями, который, судя по виду, она носила ещё в восьмидесятых. Перед ней лежала раскрытая книга в кожаном переплёте — церковная метрика, судя по всему.

— Смотрите, — сказала Эллен, не здороваясь. — Я нашла это в архиве церкви. Записи о странных снах. 1894 год, сентябрь. Восемь прихожан видели один и тот же сон: луг, две луны, голос, который спрашивает, слышат ли они. Пастор тогда решил, что это знамение. Но потом всё стихло, и он записал это как «коллективную галлюцинацию, вызванную неурожаем».

Джун переглянулась с Уолтом.

— Это же... — начала она.

— Тот же сон, — сказал Уолт. — Я видел его прошлой ночью.

Эллен посмотрела на него поверх очков.

— Тогда, — сказала она медленно, — у нас есть проблема. Потому что если это не галлюцинация, то это что-то, что существует уже больше ста лет. И оно только что проснулось.

Глава 3. Тихая станция

В амбаре пахло сеном, машинным маслом и старой древесиной. Уолт включил лампу под потолком — жёлтый свет лёг на верстак, на полки с инструментами, на катушки провода. Эллен села на перевёрнутый ящик, раскрыла церковную метрику и положила на колени.

— Итак, — сказала она. — Что мы имеем? Сигнал из колодца. Сны, которые повторяются с интервалом в сто с лишним лет. И тетрадь фермера, который слышал «дыхание земли». Это либо цепочка совпадений, либо...

— Либо кто-то пытается с нами поговорить, — закончила Джун.

— Либо кто-то пытается, — согласилась Эллен. — И я хочу понять, кто и зачем. Прежде чем мы позовём журналистов или ученых из университета.

Уолт фыркнул.

— Журналистов. Только их нам не хватало.

— Я не говорю, что мы их позовём, — сказала Эллен спокойно. — Я говорю, что прежде чем что-то делать, надо понять. А для этого нужна нормальная аппаратура. Не эта жестянка. — Она кивнула на приёмник Уолта.

Уолт обиделся.

— Это не жестянка. Это армейский приёмник пятьдесят второго года, переделанный. Он ловит Гавайи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.